

сказать, что разнообразіе художественнаго вкуса Кудрявцева особенно проявляется въ его статьяхъ, посвященныхъ классической древности. Въ статьѣ: „Эдипъ Царь“ онъ пересказываетъ развитіе драмы съ такимъ психологическимъ пониманіемъ и такимъ человѣческимъ сочувствіемъ, что многимъ читателямъ великое произведеніе Софокла раскроется во всей своей художественной красотѣ и человѣческой правдѣ, благодаря, можетъ быть, этому изложенію, тѣмъ болѣе, что оно сопровождается анализомъ, въ которомъ автору вполне удалось выяснить *чуманическій* элементъ драмы, показать сверхъ прогресса чисто художественнаго и успѣхи нравственнаго сознанія между современниками величайшаго изъ трагиковъ классической древности. Разъясняя по поводу драмы общія начала нравственности, авторъ устанавливаетъ вѣчный принципъ, въ которомъ, можно сказать, заключается сущность этического развитія древности и полученнаго нами отъ нея наслѣдія—принципъ, что первую мысль, слѣдующую за сознаніемъ вины, должно быть „сознаніе необходимости добровольнаго очищенія (экспіаціи), хотя бы оно сопряжено было съ тяжкими и ничѣмъ не вознаградимыми лишеніями“.

Если „Эдипъ Царь“ былъ для Кудрявцева высшимъ расцвѣтомъ нравственнаго сознанія грековъ, то воплощеніемъ ихъ чувства изящества была для него Венера Милосская. Ея статуя въ Луврѣ стала для него отравленіемъ пластической красоты. При видѣ ея забились въ немъ всѣ жилки художника, полная еще чаша юной жизни переполнилась до краевъ отъ восторга и наслажденія красотой. Оттого, никогда не говорилъ онъ съ такою развязностью, съ такимъ веселымъ юморомъ, какъ въ письмѣ къ другу, котораго онъ приглашаетъ, „не спѣша къ новому, только на минуту заглянуть въ отдѣленіе древней пластики. Думаешь, можетъ быть, что мы такъ далеко ушли отъ древней жизни, что вовсе потеряли, наконецъ, способность понимать ее безъ книги, что не можемъ даже обонять, безъ помощи рефлексіи, благоуханіе лучшаго цвѣта древности, благоуханіе ея вѣчно юнаго искусства? Приди и посмотри. Тебѣ, правда, не достанется добавить остальное слово Цезаря, но зато ты сознаешься, что ты—побѣжденъ“.

Онъ ведетъ друга прямо къ Венерѣ Милосской. „Прямо къ ней пусть идетъ всякій, кто не вѣруетъ въ нашу воспримчивость для древняго искусства или кто хочетъ наслажденія имъ полного, живого, *непосредственнаго*... Сіяющей красоты Венеры Милосской не въ состояніи закрыть самые вѣка. Если только красота не чужое твоему природному чувству, если ты видѣлъ